

Кузнецова Ксения

Шанс на будущее

0+

The background of the book cover features a futuristic city skyline at dusk or dawn. The buildings are dark silhouettes against a sky transitioning from a deep blue at the top to a lighter, hazy blue near the horizon. A large, pale, spherical planet or moon is visible in the upper left portion of the sky. The city's lights are reflected in a body of water in the foreground, which is also dark and still.

Ксения Михайловна Кузнецова
Шанс на будущее
Серия «Москва 2050»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57400246

SelfPub;

Аннотация

Главная героиня – затворник собственного прошлого, мыслей, воспоминаний, она не желает принимать наступившее будущее и развитие технологий. Но, кто знает, как может изменить взгляд столь любимое ей искусство?

Декабрь наступил для меня незаметно и, признаться честно, очень болезненно. С некоторых пор слякоть стала постоянным гостем зимнего города. Непонятного цвета смесь из снега, воды и грязи хлюпала под ногами и вылетала из-под колёс электромобилей, оседала на одежде.

Я поморщилась. Неправильная зима. Зима должна быть светлой, пушистой, снежной! По-настоящему снежной! А что это такое? Город? В памяти всплывали образы заснеженной Москвы, наполненной многообразием зимних дневных пастельных оттенков и ярких ослепительных ночных огней. Нет, дело не в городе. Тогда что происходит сейчас? Не серость, ни в коем случае. Просто в некогда идеальной композиции с каждым годом становится всё больше электрических огней и всё меньше снега, нежной пастели.

– Раньше было более снежно... – повторяю я мысль вслух и ухмыляюсь: – а ещё трава была зеленее и колбаса с мясом. Верно, Варя? Да у тебя синдром утёнка.

Нда... Почему-то каждый раз, когда начинаю говорить сама с собой, без колкостей не обходится. Однако снега, и правда, было больше, а огней меньше.

Ничего не поделаешь. Потепление, обилие техники и людей. Прогресс не стоит на месте, город преобразуется. Со всем ребёнком мне казалось, что сердце Москвы сияет ярче солнца, и невозможно придумать более чудных и изобретательных зимних украшений, но каждый год находила, да и нахожу до сих пор, что ошибалась.

Это, должно быть, хорошо.

Но при этом мне становится очень тоскливо. Всё движется слишком стремительно для меня, я не успеваю за развитием мира, за изменением людей. Если честно, и не особо хотела. Мне нравился мой чудесный маленький мир, застывший в моей памяти. Ещё с детства меня тянуло в далёкое прошлое, что дарили мне книги, и мой упрямый разум неизменно отвергал движение технического прогресса.

В моём детстве, даже самом раннем, были компьютеры. Но всю жизнь меня охватывала паника, когда обстоятельства вынуждали взаимодействовать с чем-то сложнее открытия простенькой игры. Приходилось вечно терроризировать сестру для взаимодействия с техникой. Конечно, с годами стало проще, но неприязнь к технике осталась. Не правда ли, забавно?

Останавливаюсь и смотрю вокруг. Как далеко я зашла, погрузившись в свои мысли и не видя дороги?

Вижу внушительное, величественное белое здание с восемью колоннами. Я на месте.

Покопавшись в сумке, достаю билет. Времени ещё предостаточно. Осталось дожидаться, когда с работы подъедет сестра. Именно она после долгих моих препирательств вручила мне билет. Я тогда не сразу поняла, к чему Милана клонит, заговорив о театре. А когда, наконец, дошло, что она хочет взять меня на балет, категорически отказала.

– Да ладно тебе! – всплеснула руками Мила. – Ведь ты яв-

но всё ещё любишь театр, особенно балет. Постоянно раньше на него ходила, трещала о нём без умолку, – она прищурилась, – и всё ещё канифолишь мне этим мозги.

Это была чистая правда. Балет всегда был для меня чем-то особенным. Я безумно любила любое проявление театра, но балет... Будучи ребёнком, всегда смотрела его по телевизору, а родители дивились, что может понять маленькая девочка в замысловатом танце? Но я всё понимала и всегда с восторгом делилась впечатлениями. Потом были походы в театр. А последние годы... И вновь странная грусть обволокла меня. Последние годы приходилось довольствоваться записями старых представлений, всего, что мог предоставить мне интернет.

– Варь, ну вот серьёзно, как давно ты не была в театре? Очень давно не слышала, чтобы ты туда ходила.

Я нахмурилась. Лет двадцать точно.

– Милана, – я надеялась донести мысль как можно понятнее, – я не хожу туда именно потому, что люблю театр, понимаешь? Театр. А то, что сейчас творится – чистый фарс! Нет, конечно же, я ничего не имею против зелёного фона и таких же костюмов (чистая ложь), но это не театр (если, конечно, они умышленно не изображают группу умалишённых).

Перед глазами снова всплыла картина моего последнего похода на тогдашнюю новинку. На стены и костюмы накладывались голограммы (или что-то в этом духе), которые то и дело лагали, открывая зрителю, что король на самом деле

голый.

Меня перекосило.

Впрочем, Мила не слушала. Уж я-то знаю это выражение. Говори мол, сестрица, что хочешь, а когда закончишь, я продолжу настаивать.

– Варвара, – она скопировала мой тон, – откуда ты можешь всё это знать, если не видела сама?

– Ты же знаешь, что видела, – вспылила я. Ненавижу, когда она считает, что я говорю неправду.

Мила покачала головой. Было видно, что она тщательно подбирает слова.

– Угх. Ты не понимаешь. Во-первых, ты видела только то, что было новинкой лет э... – сестрица показательно приняла на секунду задумчивый вид, – сто назад? Во-вторых, проекция декораций и костюмов на актерах – вариант для начинающих.

– Тебе-то откуда знать? Ты же не интересуешься театром!

– Навела справки, не перебивай. А в-третьих, далеко не все театры пользуются одними только спецэффектами. И вообще, выбора у тебя нет.

Она торопливо полезла в телефон, начиная что-то судорожно искать.

– Что ты имеешь в виду?

Конечно, я уже понимала, к чему она клонила, но решила на всякий случай уточнить.

С торжествующим видом она показала мне экран телефо-

на, на котором высветились QR коды двух билетов.

Ещё одна неприятная вещь. Электронные билеты, да и вообще всё электронное. На самом деле я не могу назвать бумажные билеты неотъемлемой частью своей юности, но точно помню, как трепетно относилась к бумажным билетикам общественного транспорта, которые попадали в руки во время пребывания в Подмоскowie. А билеты в театр? Их я вообще коллекционировала, а альбом с ними до сих пор хранится где-то на полках. А как собирать электронные билеты? Скриншотами? Увольте.

А билеты, кстати, были на «Щелкунчика». В Большой театр.

На секунду я задумалась. Осознание доходило до меня очень долго, а когда дошло, глаза округлились.

Большой театр!

Кажется, для меня подготовили действительно хорошую ловушку. Уже купила билеты, да какие! Первый ряд амфитеатра. И догадалась же, что партер – провальный выбор. Тем более – «Щелкунчик». Именно благодаря восхитительной музыке Чайковского томик сказок Гофмана занимал в моей библиотеке особое место. Да-да, тётеньке за сорок, а она всё по сказкам. А что же тут такого?

Конечно, я пыталась предложить Милане пойти с кем-то из друзей, но она заявила, что в этот день все заняты очень важными делами. Я сощурилась. Сестрица, тебе сколько лет? Вроде взрослый человек, а отмазки придумывать до сих пор

не научилась.

В любом случае отказать той, которая так сильно старалась, вспомнила о любимом балете сестры, достала билеты в лучший из театров, сил у меня не нашлось.

Я ещё раз оглядела здание Большого театра. Несмотря на обилие неоновых огней, прожекторов, он показался мне одним из немногих последних островков прошлого. Прошлого города и моего собственного. Невольно вспомнилось моё первое и последнее посещение Большого.

В тот раз я шла на «Лебединое озеро», это был подарок родителей на день рождения. В то время посещение театра стало для меня регулярным делом, и я была ужасно горда тем, что благодаря подработке могла сама обеспечивать себе эти походы. Но... Никогда не могла позволить себе купить что-то очень дорогое для себя самой. Родителям, дочери, сестре – да. Всегда пожалуйста. Но себе – никогда. А потому все мои радужные мечты о таком таинственном и возвышенном месте долгое время оставались лишь мечтами. И вот, проснувшись на восемнадцатилетие, я увидела лежащие на прикроватной тумбе билеты. Тогда чуть ли не танцевала от счастья.

Как поразил меня мир, таившийся внутри этого старого здания! Ослепляющий светлый зал внушал безусловное восхищение, вес всей лепнины, всех украшений приятной тяжестью ощущался сердцем, а общая атмосфера завораживала дух.

Интересно, как там сейчас?

А само выступление? Движение, пластичность, постановка...

А музыка? Нет музыки прекрасней той, что звучит вживую и исполняется теми, кто по-настоящему её любит и умеет исполнять. И в тот раз играла именно такая музыка.

При воспоминании от музыки становится совсем грустно. Сейчас живой звук не в цене.

– Варя! Ва-а-а-а-арь! Приём, приём! Ну, ты чего зависла-то?

Я дёрнулась и обнаружила рядом с собой Милану.

– А... Я просто задумалась.

– Кошмары из прошлого или приятные воспоминания?

– Скорее второе.

Мила расплылась в улыбке.

Мы перекинулись ещё парой слов и зашли внутрь.

Интерьер практически не изменился. Я удивлена и не удивлена одновременно. С одной стороны, к нынешнему времени меняется практически всё. А с другой стороны, никто в здравом уме не будет чинить то, что не сломано. Однако расслабляться ещё рано. Непосредственно зал вполне мог измениться.

Я не ошиблась. Изменения действительно были. И это мягко сказано.

Было страшно рассматривать всё вокруг, а потому, заходя в зал, сначала я старательно рассматривала ковёр.

С первого шага я почувствовала лёгкую приятную прохладу. Конечно, это могло быть результатом плохого отопления, но что-то мне подсказывало (скорее всего, здравый смысл), что это было сделано специально, ведь в коридорах и буфете было более чем тепло.

В нерешительности подняв глаза, я затаила дыхание. Это было настоящее чудо! Казалось, все стены, за исключением сцены, тронул настоящий мороз, и это явно был не прожектор. Вернее, он тоже помогал созданию атмосферы, но большую часть узора можно было действительно потрогать руками. Что же это? Также отовсюду были видны огромные еловые ветви, украшенные многообразными новогодними игрушками. И здесь нельзя было понять, если не прикоснуться, где реальность, а где голограмма. Хотя нет, вру. Падающий снег был явно ненастоящим.

Разыскиваем свои места и устраиваемся поудобнее.

Сама сцена представляла собой чуть ли не шедевр работы декораторов. В одном конце стояла полноценная огромная ёлка до потолка. Вся в мишуре, игрушках. Через специальные очки мне удаётся разглядеть маленькие фигурки пастушек и ангелочков. Даю руку на отсечение, что если это не голограмма, то они сделаны из сахара. Верхушку ели украшала огромная золотая звезда, излучавшая мягкий свет. Под деревом лежали коробки с подарками. В глубине «комнаты» находился стол, на котором стоял большой раскрытый кукольный дом.

Вскакиваю с кресла. Точь-точь как в книге!

Первый раз за долгое время говорю спасибо современным технологиям. Кто бы мог подумать ещё лет пятнадцать назад, что будут очки, позволяющие видеть так далеко и так чётко!

Мила одёргивает меня:

– Ты чего? Садись.

Нет, мне не стыдно. Никогда не чувствовала себя старой, но сейчас ощущаю себя ребёнком. Тем маленьким ребёнком, который пытается пробраться в заветную комнату, где взрослые создают сказку.

Более-менее успокаиваю себя и возвращаюсь на место.

Начинается действие. На сцене один за другим появлялись ожившие персонажи сказок. И я вновь сделала для себя безумно приятное открытие.

Костюмы! Их костюмы были явно настоящими!

И хоть массовка явно далеко не вся была настоящей, но смотрелось это безумно органично, будто так было всегда и должно быть.

Отдельно стоило упомянуть о музыке. Она была живой. Живой по-настоящему. Играл оркестр.

Синхронно с музыкой двигались снежинки, морозный узор на стенах то подтаивал, то разрастался, массивные ветви двигались в такт ветру.

Я полностью погружаюсь в происходящее и смотрю, не отрывая глаз.

– Гляди, как красиво, – шепчет Мила в особо завораживающий момент.

Но одного моего гневного взгляда хватает, чтобы пресечь дальнейшие попытки разговора.

Поразительно, как точно действие на сцене передавало эмоции и чувства. А мыши! От одного их появления по коже бегут мурашки. Визуальная часть идеально дополняет музыку. Танцоры одеты в настоящие костюмы, маски, а голограммы дополняют образ. Например, Мышиный король в буквальном смысле источал беспроглядную тьму, а его глаза буквально горели из-под маски холодным рубиновым светом. Щелкунчик же выглядел действительно сделанным из настоящего дерева, однако это не лишало его движений пластики и грации. Полагаю, шарниры и узор дерева на нем – проекция. А вот глаза настоящие (ещё раз спасибо очкам).

Я в сказке, самой настоящей, в самом её сердце. И это делает меня непомерно счастливой.

Весь первый акт промчался как счастливый сон, а во время антракта уже не терпелось поделиться впечатлениями.

– Мила, это настоящее волшебство! Никак иначе и не называть!

Сердце бьётся всё быстрее, как же давно не было таких сильных переживаний.

Сестрица смеётся.

– Я же говорила! Я и сама не ожидала подобного.

Она продолжает восторженно говорить. А я? Хоть это и

был только первый акт, его оказалось достаточно, чтобы отторжение будущего, что меня окружает, ослабилось. Нынешнее время и технологии дают мне шанс на сказку, о которой я так сильно всегда мечтала. Быть может... У меня есть шанс на принятие этого мира?